

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ТЕТЯ ЛИЗА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Тетя Лиза

Аннотация

«Двери на балкон были открыты, на улице светило яркое осеннее солнце и казалось весело и тепло. По моим расчетам, прошел уже час и три четверти, а между тем господин Тома и не думал уходить. Неужели он еще будет спрашивать географию?..»

Содержание

I	4
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Зинаида Гиппиус

Тетя Лиза

*(Отрывок из
семейной хроники)*

I

Двери на балкон были открыты, на улице светило яркое осеннее солнце и казалось весело и тепло. По моим расчетам, прошел уже час и три четверти, а между тем господин Тома и не думал уходить. Неужели он еще будет спрашивать географию?

Но сейчас же я решила, что он не осмелится: я ему так ясно намекнула в начале урока, что не успела выучить эти глупые африканские острова.

Зала, где я обыкновенно занималась, была большая и пустынная. Все двери кругом запирали, чтобы не мешать мне. Случалось, что только одна дверь в папин кабинет была чуточку приотворена, и тогда я отвечала хорошо и быстро и никогда не развлекалась посторонними предметами.

Но папа ушел в суд. Я слышала, как за ним заперли двери. Я рассеянно смотрела на пыльную, немощеную улицу на-

шего городка, на серые деревянные тумбы, на стаи воробьев, потом перевела глаза на мой стол с черной клеенкой и целой грудой книг... Вон хрестоматия Полевого в синем переплете с черными кружочками, вон худенький немецкий Маак... Ich bin ein armes, armes Kind...¹ – вспомнилась мне оттуда ненавистная басня... А вон, наконец, мой самый злейший враг – арифметический задачник, залитый слезами и красными чернилами... География – что, пустышки, но зато уж эти задачи...

Господин Тома не смел прервать молчания. Он сидел съевшись и опустив глаза и беспрестанно поправлял свои манишки. Такая привычка явилась у него, вероятно, потому, что он был немного калека. Он и ходил, прихрамывая, и я сразу заметила, что у него кисти рук точно немного вывихнутые, неправильные. Я всегда думала, что и робкий-то, и приниженный он оттого, что начинает и стыдиться своего убожества.

Как сейчас вижу его загорелое худое лицо с мелкими морщинками, русую бороду и голубые добрые, темного слезящиеся глаза. Иногда он отмечал мне страницы в книжке, и я смотрела на его жалкие грубые пальцы, пожелтевшие от табаку...

– Господин Тома, я сегодня сколько ошибок в диктанте сделала? – спросила я наконец немного высокомерным тоном.

¹ Я бедный, бедный ребенок... (нем.)

Тома замигал и быстро ответил:

– Ни одной-с в трех страницах, исключая знака препинания, то есть одной запятой, которая, как вы сами согласились...

– Ну да, ну да, знаю! Когда одно подлежащее, то перед «и» запятой не ставится, – сказала я скороговоркой и умолкла.

Тома тоже ничего не сказал.

– А что, Иннокентий Петрович, продолжала я, – видели вы когда-нибудь другую девочку моих лет, которая так же правильно пишет?

– Никогда не видел, никогда! – с жаром сказал Тома. – Это первый пример на моих глазах...

Я знала, что Тома именно так ответит, а не иначе – и мне стало невесело. Я вообще училась недурно и понимала все скоро, если не считать арифметики, но никогда меня не радовали похвалы Тома, хотя я иной раз и сама их вызывала. Как будто я сама себя хвалила, а не другой.

Чтобы он не смотрел мне в глаза с ожиданием, я спросила его – как делается хлопок, а пока Тома объяснял, я стала думать о своих собственных делах.

Я прекрасно знала, что мой папа – почти главный в нашем городе, что мы богаты, и даже гордилась этим. Я знала тоже, что Тома беден и служит под начальством папы, занимает какое-то самое маленькое место, что папа сделал ему большую честь, пригласив учить меня, и Тома должен очень радоваться и всячески угождать нам.

Но иногда это было скучно. Он не сердится, не спрашивает уроков, хвалит мои способности... и все-таки скучно. Не знаешь никогда наверное – в самом ли деле хорошо сделал или это только из-за папы? Иной раз нарочно делаешь гадко, пусть-ка скажет, скажет ли? Какой там! И все из-за папы. Экая тоска!

Но скоро мои мысли улетели далеко от уроков, от господина Тома и даже от моих способностей. Дело в том, что последнее время у нас в доме появилась какая-то тайна. Все шепчутся, бабушка вздыхает и крестится, мама – серьезная, Катя, папина сестра, не поет своих романсов и даже, кажется, ее белокурые локоны не так выются, а Егорка вечно бегает с телеграммами. Один раз и курьера папиного посылали. Все у нас в доме какое-то странное, один только папа все тот же, как всегда.

Я думаю, что, если б я спросила, в чем дело, мне бы рассказали, но я боялась спросить, потому что вся эта таинственность мне казалась слишком ужасной.

Один раз я слышала, входя в комнату, как мама сказала: «Не дай Бог, не дай Бог! Это было бы такое несчастье! Бедняжка Лиза!»

Мне пришло в голову – уж не случилось ли чего худого с тетей Лизой? Тетю Лизу, мамину сестру, я хорошо помнила и любила. Ее муж, дядя Вася, был такой веселый, постоянно играл и бегал со мной, когда они жили еще с нами и я была маленькая. Теперь они оба далеко, в Крыму, и Бог знает,

скоро ли мы увидимся.

Тетю Лизу я любила гораздо больше, чем Катю. Ну что Катя? Разве ее можно считать тетей? Ей всего семнадцать лет, только что кончила институт, и у ней есть какие-то картинки, в которые она по вечерам играет. Я уж в восемь лет бросила куклы: скучно. А Катя ни маленькая, ни большая: и в картинки играет, и локоны завивает, поет романсы и кокетничает с гостями. Я не могла понять, зачем Катя живет у нас, когда может поехать к своей маме, в Москву, в большой, красивый дом с колоннами. Я решила, что, верно, бабушка слишком строга к ней. Бабушка, точно, была строгая. Когда меня к ней подводили (несколько лет тому назад мы ездили в Москву), у меня просто сердце падало, и я не могла слова сказать. Она была толстая, низенькая, в блестящем черном платье, приказывала звать себя не иначе как та тете², и я ее совсем не любила. Что это за бабушка, которую даже бабушкой звать нельзя? Нет, наша обыкновенная, простенькая бабушка, мамина мама, которая всегда с нами живет, ходит в платочке, ворчит и бранится – нет, она гораздо лучше! И я решала про себя, что если я ту, важную, и должна любить, то пускай все и думают, что я ее люблю, ведь никто не узнает, что я не люблю, если я сама не скажу.

Тома давно кончил объяснять про хлопок и опять смотрел мне в глаза. В столовой пробило двенадцать; сейчас должны были подавать завтрак, а Тома не уходил. Я начинала сер-

² Моя мама (фр.).

диться. Что он с ума, что ли, сошел? Никогда он так не сидит.

Наконец, я потеряла терпение, встала с своего места и сказала:

– Уж первый час. Сейчас завтрак. У меня голова болит.

Тома тоже вскочил и вдруг с растерянным видом стал извиняться и что-то бормотать, просить о чем-то, но я его не понимала.

Наконец я разобрала несколько слов.

– Извините, Бога ради... Если бы не крайность, я бы никогда не осмелился... Да вот мать заболела... И не за четыре месяца, за месяц бы... Да что я! Как это я осмелился...

– Вам денег, да? – сказала я. – За четыре месяца? Это мама все забывает... Я сейчас спрошу...

И прежде чем он успел ответить, я полетела в столовую, распахнула двери и закричала:

– Мама, ты опять забыла деньги! Тома просит денег.

Я остановилась как вкопанная. Мама сидела за столом и плакала. Катя стояла около нее и утешала ее.

– Ну что это за крик, Ната? – сказала мне Катя. – Поди скажи, что ему пришлют.

Я приотворила дверь в залу, крикнула Тома: «Вам пришлют» – и поскорее подошла к маме. Все равно – ужасная ли тайна или нет, но я должна ее узнать.

И я узнала, что дядя Вася давно болен, что ему было и лучше, и хуже, а теперь получили известие, что ему очень плохо, да и тетя Лиза больна. Тетя Лиза, впрочем, всегда,

была больная.

– Главное мне Лизу жалко, – говорила мама. – Детей нет, одна на свете, больная... Да она не выдержит.

Я сидела молча, с широко открытыми глазами. Еще никогда не умирали люди, которых я знала. А теперь – дядя Вася, тот самый дядя Вася... Мне было страшно, больно, жалко, но при этом ужасно интересно...

Целый день у нас прошел как-то странно. Ждали ответную телеграмму. Бабушка не ворчала, а лежала на своей постели лицом к стене. Папа занимался у себя в кабинете. Я приходила к нему вечером, он дал мне розовую французскую книгу с картинками, посадил около себя и велел смотреть. Мне под конец очень надоело, но я не хотела уйти, чтоб не обидеть папы. Я его больше всего на свете любила и гордилась им.

Когда я ложилась спать (я спала в большой комнате вместе с бабушкой), пришла горничная Даша и сказала, что, кажется, получено хорошее известие – дяде лучше. Я сказала: «Ну, слава Богу!», а сама вдруг почувствовала маленькую, чуть заметную досаду, что не случилось то ужасное, необыкновенное и интересное, что все опять будет по-старому.

«Неужели это я жалею, что дядя не умер?» – с испугом подумала я и скорее стала на коленки и принялась молиться Богу, то есть читать Отче наш и Богородицу, а в промежутках повторяла: «Господи, прости, Господи, прости!»

Среди ночи меня разбудил какой-то шепот. В комнате го-

рела свеча, заставленная книгой. Бабушка сидела на своей постели, Катя около нее и держала ее за руки. Дверь открылась, и вошла мама. В ее походке, в лице было что-то такое новое и важное, что я вскочила на постели и невольно закричала:

– Мама!

– Перестань, деточка! – сказала мама, подходя ко мне. – Лучше Богу помолись. Дядя Вася умер.

II

Теплое время уже кончилось, и выпал снег, когда тетя Лиза приехала к нам.

Все говорили, что это безумие уезжать из Крыма осенью в ее положении. Только мама понимала, что уж все равно ей не поправиться, где бы она ни жила, а оставаться одной там, где она только что похоронила мужа, – слишком тяжело. И скоро все увидели ясно, что тетя Лиза должна умереть; все ждали этого и приготовились, только сама тетя Лиза не подозревала ничего.

Ей отдали большую комнату, рядом с залой, с двумя окнами. Она уже не могла вставать и всегда сидела на своей кровати, одетая в белый капот с черными полосками. Она сидела тихо, говорила шепотом и много кашляла.

Я раньше никогда не видела такого худого человека. Помню ясно острый подбородок, бледный, сухой нос, большие и странные глаза, какие бывают только у очень больных людей, и главное, ясно помню жилку посередине лба, идущую от переносья кверху. «Она у всех есть, эта жилка, думала я, но до чего же тетя худа, если она у ней так заметна...» Руки, когда она ими медленно поправляла капот или подносила чашку к губам, тоже поражали меня: сверху, между костями, были длинные углубления, и только на ладонях оставалось немного тела, и ладони были всегда такие странно-розовые...

Я наблюдала тетю пристально, подробно, иногда просто невольно, хотя уже того любопытства к смерти у меня не было. Я уже поняла что «это» – случается. Я боялась оставаться с ней одна в комнате – и она раз это заметила.

– Отчего ты все уходишь, Ната? – сказала она мне шепотом, смотря на меня своими темными, страшными глазами. – Посиди со мной.

Я села около нее на кровать; она взяла мои руки в свои холодные, немного влажные руки, и мы долго так сидели. Я молчала и думала, что если мама не придет, то я умру от страха.

Любимым занятием тети Лизы было смотреть, как мама или Катя при ней разбирают ее сундуки; она рассматривала каждую вещь, потом просила убрать на прежнее место. Все время она говорила о дяде Васе. Она никогда не плакала и не огорчалась. Но, несмотря на это, как-то чувствовалось, что больше любить дядю Васю, чем она любила, нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.